

Т.А. ПОКИВАЙЛОВА

РУМЫНИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В РУМЫН- СКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Румынская историография, посвященная изучению истории Второй мировой войны, чрезвычайно обширна и многопланова. Начиная с конца 1940-х годов издано огромное количество работ, рассматривающих как общие, так и отдельные вопросы истории Румынии в годы Второй мировой войны. В них освещаются внутривнутриполитическое и внешнеполитическое развитие страны, ее социально-экономическая ситуация, национальные проблемы и другие аспекты. Это и коллективные труды, и монографии, и многочисленные статьи, и мемуарная литература, и публикации документов, и т.д.

В развитии румынской послевоенной историографии можно выделить несколько основных этапов, каждый из которых имеет свои специфические, в известной мере качественные, различия, определяемые условиями политического развития страны и особенностями политических режимов.

На первом этапе (1944–1947 гг.) в период острейшей борьбы политических сил за власть при значительном влиянии на развитие политических процессов присутствия на территории Румынии Красной Армии и советской военной администрации в общественной жизни все же существовал политический плюрализм, что отразилось в историографии¹. Это обусловило достаточно широкий диапазон в подходах и оценках событий Второй мировой войны, в том числе периода подготовки и осуществления акта 23 августа 1944 г., когда был свергнут румынский диктатор И. Антонеску, Румыния вышла из войны, в которой она участвовала на стороне гитлеровской Германии в качестве ее союзника, и перешла на сторону антифашистской коалиции. Разные точки зрения в зависимости от политической ориентации авторов существовали в тот период в оценках роли и места политических партий в годы войны, в свержении режима Антонеску, влияния объективных и субъективных факторов на эволюцию политической ситуации и т.д.

Из работ, относящихся к профессиональным исследованиям, можно назвать книги Л. Патрашкану, видного деятеля Коммунистической партии Румынии (КПР), участника антифашистского подполья, принимавшего участие в подготовке смены режима в августе 1944 г. Свои труды “Под тремя диктатурами” и “Основные проблемы Румынии” он начал писать еще до войны, а свет они увидели уже после освобождения Румынии от фашизма. Основное внимание автор уделил анализу румынского фашизма, его истоков и социальной базы, исследуя состояние румынского общества в канун Второй мировой войны, начальный период войны и на момент выхода страны из нее. Он опубликовал также несколько статей, посвященных подготовке и осуществлению акта 23 августа 1944 г. (заметим, что в документах КПР того периода о событиях 23 августа 1944 г.

Покивайлова Татьяна Андреевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ См.: Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1993, с. 183, 185–188; *Покивайлова Т.А.* Антифашистское движение сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вопросы национальной историографии. – Антифашистское движение сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1993, с. 184–187.

говорилось как о государственном перевороте, который был организован “только под влиянием победоносного наступления Советской Армии”)².

Многие из работ 1944–1947 гг. носили мемуарный характер и вышли из-под пера различных политических деятелей. Некоторые из воспоминаний были переизданы в 1990-х годах. Характерно, что почти все политики, кроме крайне правых, признавали тогда решающую роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии, в освобождении Румынии Красной Армией³.

Современные румынские историки подчеркивают, что именно просоветски настроенные политические силы в Румынии, прежде всего коммунисты, пропагандировали и внедряли в общественное сознание идеи о решающей роли побед Красной Армии в освобождении Румынии от фашизма⁴.

Новый этап в развитии румынской историографии относится к концу 40-х – началу 60-х годов XX в., к периоду становления в стране режима советского типа (1948–1953 гг.) и его эволюции.

Большое влияние на концептуальные положения румынской марксистской (коммунистической) историографии оказывала тогда советская историческая наука. Особых расхождений по основным проблемам освещения событий румынской истории, в том числе и периода Второй мировой войны, между румынскими и советскими историками не было. В те годы ведущую роль в исторической науке занимал историк и коммунист академик М. Роллер. В 1947 г. он издал “Историю Румынии”, которая стала считаться новым учебником по истории и неоднократно переиздавалась (в 1948, 1952, 1956 гг.). На русский язык работа была переведена в 1950 г. Издательство “Иностранная литература” преподнесло книгу в качестве популярного очерка⁵.

В разделах, посвященных истории Второй мировой войны, автор пишет о нападении Румынии на СССР совместно с гитлеровской Германией, о потере Румынией национальной независимости, об ограблении совместно с немцами советских территорий, характеризуя этот период как антинародный. Как первый опыт подобного издания “История Румынии” не могла быть безупречной. Политизация истории, схематизм, упрощение политических процессов, перестройка на новой методологической основе, разработка вопросов национальной истории в русле документов и указаний центральных органов Румынской рабочей партии (РПП) в полной мере были присущи работам того периода⁶. В этом же русле концептуально рассматривались события, связанные с участием Румынии во Второй мировой войне в работах историков-марксистов старшего поколения, таких как П. Константинеску-Яшь, и представителей нового поколения – А. Роман, И. Георгиу, В. Ливяну, Б. Бэлтяну (Б. Колкер) Т. Удря, Э. Кампус, П. Никита, А. Петрик и др.⁷

² *Pătrășcanu L.* Sub trei dictaturi. București, 1944; *Probleme de bază ale României.* București, 1944; *Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи. М., 1956, с. 22; *Udrea T.* 23 august 1944. Controverse istorico-politice. Studiu istoriografic. București, 2004, p. 13–18.

³ *Покивайлова Т.А.* Указ. соч., с. 185–187.

⁴ *Constantiniu F.* De la Răutu și Roller la Mușat și Ardeleanu. București, 2007, p. 127–285; *Buga V.* Politica PCdR față de Uniunea Sovietică în etapa finală a celui de al doilea război mondial. – Materialele двусторонней комиссии историков России и Румынии. X научная конференция. Москва, октябрь 2005 г. М., 2007, с. 145–149.

⁵ История Румынии. Сокращенный перевод. Под ред. М. Роллера. М., 1950, с. 535–539.

⁶ *Constantiniu F.* Op. cit., p. 209; *Țugui P.* Istoria și limba română în vremea lui Gheorghiu. – *Dej. Memoriile unui șef de secție a CC al PMR.* București, 1999, p. 10–11, 13–14, 22.

⁷ *Kolker B.M.* Lupta de eliberare națională în România în anii 1941 – 1944. – *Studii. Revista de istorie*, 1954, № 4; *Roman A.* Situația politică din România înainte conferinței naționale (23 august 1944 – octombrie 1945). – *Zece ani de la conferința națională. 1945–1955. Referate prezintate la sesiunea științifică istorică din 8–10 decembrie 1955.* București, 1956, p. 82–114; *Gheorghiu I., Roman A.* Din lupta PCR pentru scoaterea României din războiul antisovietic și întoarcerea armelor împotriva hitleriștilor. – *Anale*, 1956, № 3, p. 61–87; CPR – organizator și conducătorul luptei pentru răsturnarea dictaturii fasciste antonisciene și întoarcerea armelor împotriva cotropitorilor hitleriști. București, 1956; *Constantinescu-Iași P.* Eliberarea României de sub jugul fascișt și însemnarea ei istorică. – *Anale*, 1959, № 4.

После смерти Сталина в Румынии, так же как и в других странах восточного блока, произошли некоторые либерализация и раскрепощение исторической науки. Новое поколение историков не было отягощено старыми стереотипами буржуазной историографии. Однако старые стереотипы сменились новыми, связанными с узкоклассовым толкованием истории, упрощенной интерпретацией событий, недостатком профессионализма, отсутствием достаточной источниковедческой базы. Кроме того, давление партийного руководства на историков и их подчиненность партийным указаниям сохранялись в полной мере. Любое отступление от провозглашаемых РРП политических лозунгов и выстроенных на этой основе исторических схем получало отрицательную оценку. Так, резкой критике и обвинению в “объективизме” подверглась, например, статья румынской исследовательницы Э. Кампус “Некоторые аспекты международных отношений в период Второй мировой войны”, опубликованная в конце 1955 г. в журнале “Исследования и статьи”, за то, что она “не раскрыла секретные переговоры, которые велись между представителями США и Англии и гитлеровской Германии” и не подчеркнула “качественные различия между позицией Советского Союза и США и Англии в отношении проблем антифашистской коалиции” и т.д.⁸

Новый виток идеологического давления румынского руководства на историческую науку обозначился в 1957–1958 гг. Решения XX съезда КПСС, последовавшая за этим определенная демократизация в Польше, Венгрии и других странах народной демократии неоднозначно сказались на общественно-политической жизни социалистических стран, в частности и Румынии. Лидер румынских коммунистов Г. Георгиу-Деж оказался среди тех, кто по сути не признал решений XX съезда КПСС, особенно касающихся культа личности Сталина и его последствий. Борьба внутри РРП завершилась победой Г. Георгиу-Дежа и его сторонников. Страх перед демократизацией страны и ослаблением личных позиций, желание удержать под контролем общественно-политическую жизнь толкали партийное руководство к усилению идеологического давления на общественные науки.

Некоторые из историков подверглись критике “за сползание на позиции буржуазной историографии”. Одновременно началось постепенное дистанцирование от позиции Москвы, которое явно обозначилось в 1958 г. после вывода советских войск из Румынии, а также советско-китайского конфликта. Румыния считала возможным для себя занять особую позицию в международном коммунистическом движении. Все это не могло не отразиться на развитии общественных наук.

Однако в отличие от предыдущего периода (1948–1953 гг.), когда в целом в работах, посвященных участию Румынии во Второй мировой войне, преобладали просоветские и антибуржуазные тенденции, в конце 1950-х – начале 1960-х годов в историографии наметилась тенденция к преувеличению национального фактора, что, в конечном счете, привело к формированию концепции “национального коммунизма”. Острейшая борьба в конце 1950-х годов между академиком М. Роллером и академиком А. Оцетя, директором Института истории Румынской академии наук, завершилась политическим поражением М. Роллера и потерей им ведущего места в исторической науке. Не перенеся полного фиаско, он в июне 1958 г. покончил жизнь самоубийством⁹.

По мнению академика Ф. Константиу, знаковым моментом в развитии румынской историографии Второй мировой войны стала публикация в 1961 г. в восьмом номере историко-партийного журнала Института истории партии при ЦК РРП “Анале” статьи “Румынская коммунистическая партия – организатор и руководитель вооруженного восстания в августе 1944 г.”¹⁰ В ней речь шла о характеристике событий 23 августа 1944 г.

⁸ Contribuția României la război antihitleristi. 23 august 1944 – 9 mai 1945. București, 1958; Constantin F. Op. cit., p. 158.

⁹ Țuguț P. Op. cit., p. 146.

¹⁰ Constantin F. Op. cit., p. 229–232.

В статье акценты переносились с внешних факторов на внутренние, говорилось не о решающей роли Красной Армии в освобождении Румынии, как это трактовалось ранее в партийных документах и работах румынских историков, а о ведущей роли КПР. Вступление Красной Армии на территорию Румынии и разгром немецко-румынской группировки войск в результате Ясско-Кишиневской операции рассматривались лишь как события, создавшие “благоприятные условия для осуществления вооруженного восстания в Бухаресте”. Таким образом, считает Ф. Константиу, из статьи следовало, что “внешний фактор мог оказывать лишь позитивное или негативное влияние на развитие внутренних событий”. В дальнейшем, как подчеркивает он, появлялись лишь различные варианты данной трактовки соотношения внешних и внутренних факторов в освещении событий завершающего периода Второй мировой войны, но суть оставалась та же¹¹. Это дает право утверждать, что уже в тот период налицо было стремление румынских историков преуменьшить значение побед Красной Армии и ее освободительной миссии в Восточной Европе.

В 1964 г. Румыния широко отмечала 20-летие вооруженного восстания 23 августа 1944 г. (так в то время характеризовались события, произошедшие в стране в результате государственного переворота и свержения диктатора И. Антонеску). В историческом журнале “Студий. Ревиста де историе” за 1964 г. была опубликована статья Т. Удри, в которой он подвел итоги развития румынской историографии за предшествующий период и обозначил некоторые ее новые тенденции. Основное внимание автор уделил характеристике событий, происходивших в стране с 23 августа 1944 г. до 6 марта 1945 г., до установления в Румынии демократического правительства П. Грозы, рассматривая их как “период борьбы за освобождение от ига фашизма, борьбы за установление народно-демократического режима, решающих успехов в борьбе за завершение буржуазно-демократической революции в стране”. В то же время он отмечал, что “революция носила народный характер, была следствием революционной борьбы народа во главе с КПР”. Некоторые формулировки автора были аналогичны формулировкам предшествующего периода: режим Антонеску характеризовался как “военно-фашистский”, о вступлении Румынии в войну на стороне гитлеровской Германии говорилось, как об “антисоветской войне”. Подчеркивая роль коммунистической партии в подготовке восстания, автор пишет о “реакционном, контрреволюционном, антинациональном характере политики господствующих классов и партий их представляющих, Национал-царанистской партии (НЦП) Ю. Маниу и Национал-либеральной партии (НЛП) И. Брэтиану”. Мы так подробно останавливаемся на всех этих формулировках для того, чтобы показать, как в дальнейшем они не только эволюционировали, но и кардинально менялись. Примечательно, что только в одной из сносок упоминается статья Г. Захария, заместителя директора Института истории партии, “Об исторической роли советской армии в освобождении Румынии от фашизма”. В самом тексте лишь однажды со ссылкой на работу Р. Флориана автор пишет о том, что “военное поражение на фронте и освободительное наступление Советской Армии ускорило и благоприятствовало развитию внутренних событий в осуществлении вооруженного восстания”¹².

Тенденции румынской историографии середины 1960-х годов наиболее полно были отражены в докладах членов румынской делегации на посвященной 20-летию со дня победы над фашистской Германией научной конференции в Москве в апреле 1965 г., организованной Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Министерством обороны СССР. Румынская делегация представила четыре доклада: по истории антифашистского движения сопротивления в Румынии; об антифашистском вооруженном восстании в августе 1944 г.; участии румынской армии в войне против гитлеровской Германии и экономическом вкладе Румынии в эту войну. На наш взгляд,

¹¹ Ibid., p. 231–233.

¹² *Udrea T. Insurecția armată de la 23 august 1944. Lupta pentru instaurarea Guvernului democratic popular. – Studii. Revista de istorie, 1964, № 6, p. 1735–1750.*

выбор тематики докладов говорит уже сам за себя. В то же время в работах румынских историков во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х годов все еще говорилось о решающем вкладе Советского Союза в разгром гитлеровской Германии. “О великих битвах, – как говорилось в одном из докладов на конференции, – которые вела на всем огромном протяжении фронтов доблестная Советская Армия, вдохновляемая и руководимая Коммунистической партией Советского Союза, громившая шаг за шагом нацистскую военную машину, окрыляя освободительную борьбу народов и вселяя в них веру в победу”. Так писали румынские историки в честь 20-летней годовщины “победоносного завершения в Европе 9 мая 1945 г. Второй мировой войны в результате безоговорочной капитуляции нацистской Германии”¹³.

Безусловно, пересмотр ранее сложившихся точек зрения, основанных на догматическом восприятии исторических событий, стал закономерным явлением. Вместе с тем в румынской историографии начиная с середины 1960-х годов утвердились односторонние трактовки целого ряда событий Второй мировой войны, связанных прежде всего с оценкой роли Красной Армии и ее вклада в разгром фашистской Германии и в освобождение Румынии от фашизма.

Переломным моментом в развитии советско-румынских отношений стала апрельская 1964 г. декларация румынской компартии “О позиции РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения”, в которой провозглашались “принципы независимости и невмешательства во внутренние дела социалистических стран” в рамках социалистического содружества.

С приходом к власти в 1965 г. после смерти Г. Георгиу-Дежа Н. Чаушеску можно говорить о формировании “особого курса” румынского руководства, основанного на утверждении национальных приоритетов во внешней политике Румынии, что противоречило официальной доктрине СССР, в частности принципам социалистического интернационализма, и подрывало единство действий стран – членов Организации Варшавского Договора¹⁴. Тогда же усилились административно-командные методы в управлении румынским обществом, а это привело к еще большей политизации общественных наук и их ангажированности.

Характерной чертой развития исторической науки в период правления Чаушеску стало ее полное подчинение идеологии компартии, личным амбициям ее лидера и его ближайшего окружения. История стала одним из важнейших рычагов влияния на общественное мнение. Гипертрофированное выпячивание внутренних факторов исторического развития, “особый курс” румынского руководства внутри содружества социалистических стран и стран – членов Организации Варшавского Договора, насаждение русофобии и антисоветизма стали основой формирования идеологии “национального коммунизма”. Формально провозглашая приверженность марксизму и его догмам, сохраняя сталинскую модель экономического развития, румынское руководство в то же время перешло на националистические позиции, приоритет которых со временем лишь нарастал¹⁵.

27 октября 1965 г. по инициативе Н. Чаушеску было проведено собрание коллектива Института истории партии. Главным вопросом было написание истории Румынской коммунистической партии (РКП). Однако цель у генерального секретаря РКП была иная: возвеличивание собственной личности и “новое видение” современной истории государства. Ряд тезисов, касающихся исторических событий и внешней политики Румынии, были подвергнуты критике и переоценке. Это относилось прежде всего к оценке ее действий в Первой мировой войне и их последствий, к пересмот-

¹³ Попescu-Пуцурь И., Захария Г., Рэдулеску И., Роман В. и др. Вклад Румынии в победу над фашизмом. Бухарест, 1966, с. 5.

¹⁴ Васильев А.В. Влияние исторических традиций на формирование внешней политики Румынии. (Автореферат канд. дисс.). М., 2001, с. 21.

¹⁵ Constantiniu F. Op.cit., p. 289–309, 295.

ру характера внешней политики государства в межвоенный период, а также событий Второй мировой войны, истории Коминтерна и компартии Румынии в качестве его секции и ряда других вопросов. При этом отрицался империалистический характер участия Румынии в Первой мировой войне и соответственно захват ею чужих территорий. Создание “Ромыния Маре”, или единого национального румынского государства, провозглашалось закономерным результатом многовековой борьбы румынского народа за свободу и независимость¹⁶. «Усилия румынских историков, – как отмечали Т. Удря и И. Кипер в статье “Вторая мировая война в румынской историографии”, – должны были быть направлены на то, чтобы доказать ошибочность тезиса об империалистическом, агрессивном и воинственном характере внешней политики Румынии в межвоенный период»¹⁷. В связи с этим говорилось о неприемлемости таких понятий, как антиимпериалистическая и антимилицитаристская борьба трудящихся Румынии, содержащихся в документах КПП кануна и начального периода Второй мировой войны. “Эти формулировки, – как отмечал генерал-полковник И. Чаушеску, брат генерального секретаря Н. Чаушеску, возглавлявший в то время Институт военной истории, – проникли в рабочее движение Румынии, хотя совершенно не соответствовали ее реальной действительности”¹⁸. Главными причинами, приведшими к установлению в стране в сентябре 1940 г. фашистской диктатуры И. Антонеску, с подачи писателя М. Преды стали считать не эволюцию политической жизни в направлении к фашизму, как это было ранее, а внешнеполитические факторы, вследствие которых изменились в 1940 г. границы Румынии в условиях нажима на нее как со стороны Германии, так и Советского Союза¹⁹. Такие события Второй мировой войны, как поражение румынской армии под Сталинградом, в Крыму и на Кавказе, отступление из Транснистрии, бои в северной Молдавии в работах румынских историков либо совсем отсутствовали, либо упоминались лишь вскользь.

Н. Чаушеску считал, что оценка событий 23 августа также должна была быть пересмотрена на основе “реальных фактов”. По сути, следовало говорить о приоритете роли внутренних факторов, роли румынской компартии, которая являлась “организатором сотрудничества широких политических сил, включая буржуазные партии Маниу (НЦП), Брэтиану (НЛП) и короля Михая”²⁰.

Это было новшеством в румынской историографии, так как до середины 1960-х годов деятельность буржуазных политических партий оценивалась крайне негативно. Если в предшествующий период руководство НЦП и НЛП обвинялось в пособничестве режиму Антонеску, то теперь наметилась тенденция рассматривать эти партии и их лидеров как важный компонент подготовки и осуществления событий 23 августа 1944 г.²¹, что соответствовало действительности и в плане трактовки событий носило позитивный характер. Однако при этом роль Советского Союза в разгроме фашизма и освобождении Румынии принижалась.

В 1974 г. основные идеи, выдвинутые Н. Чаушеску в 1965 г., получили свое идеологическое оформление в программе РКП, принятой XI съездом партии.

За период 1965–1989 гг., который вошел в историю Румынии как “эпоха Н. Чаушеску”, в печати появилось много коллективных работ, монографий и статей, посвященных истории Второй мировой войны. Были подведены итоги развития историографии предшествующего периода с позиций переоценки событий в соответствии с новыми директи-

¹⁶ Ibid., p. 297–299.

¹⁷ Udrea T., Chiper I. La seconde guerre mondiale dans L’istoriographie roumanie. – Revue roumaine d’istioare, București, t. 8, 1974, № 4.

¹⁸ Ceaușescu I. UTM și tineretului din armata. 1922–1944. București, 1974, p. 46.

¹⁹ Constantiniu F. Op. cit., p. 412.

²⁰ Ibid., p. 300.

²¹ Fătu M. Alianțe partidului comunist Român. 1944–1947. Cluj-Napoca, 1979, p. 91–98; Buzatu G. Din istoria secretă a celui de-al doilea război mondial, v. 1. București, 1998, p. 159–160. 165–171, 255–282.

вами РКП²². Началась публикация документов²³. Однако в центре внимания историков, исходя из принципов, провозглашенных Н. Чаушеску, «дистанцирования от Москвы и преувеличения “особой роли” Румынии» оказались и события Второй мировой войны. Об участии Румынии в антисоветской войне и ее союзе с гитлеровской Германией говорилось чрезвычайно мало, а основное внимание уделялось освещению завершающего периода войны, антифашистского движения сопротивления в Румынии, подготовке и проведению вооруженного восстания, вкладу страны в разгром гитлеровской Германии на ее завершающей стадии²⁴. Целый ряд вопросов движения сопротивления, такие как его характер, формы проявления, классовый и политический состав участников, размах антифашистских настроений в обществе и в армии, получили в работах румынских историков не адекватно преувеличенное отражение. Было написано большое число работ об участии в антифашистской борьбе рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, военнослужащих и т.д.²⁵ При этом, обобщая отдельные факты, румынские историки создавали картину массовости и значимости этих выступлений, явно преувеличивая действительное положение дел.

²² Popescu-Puțuri I. Probleme de metodologie și documentare privind istoria rezistenței în România. – Anale, 1965, № 5; România în anii revoluției democrat-populare. 1944–1947. București, 1971; *Fătu M.* Sfârșit fără glorie. București, 1972; File din istoria militară a poporului român, v. 1. București, 1973; *Simion A.* Contribuția la istoriografia românească privind perioada 1940–1944 din istoria patriei. – Anale de istorie, 1974, № 1; *idem.* Preliminarii politico-diplomatice ale insurecției române din august 1944. București 1979; *Agrigoroaiei I.* Probleme privind rezistența antifascistă din România și pregătirea insurecției din august 1944 în istoriografia românească actuală. – Anale de Universității, Al. I. Cuza. Istorie, 1974, № 2; Insurecția din august 1944–1947. București 1974; *Zaharia G., Cupșa I., Vianu A.* Al doilea război mondial (șciță istorică). București, 1975; *Campus E.* Din istoria politica externă a României. 1914–1947. București, 1980; *Scurtu I.* Viața politică din România 1918–1944. Studii critice partidului Național-Tărănesc. București, 1982; *Buzatu G., Agrigoroaiei I., Rusu D.* Semnificația istorică a actului de la 23 august 1944 în perspectiva istoriografică. – Actul dela 23 august 1944 în contextul internațional. Studii și documente. București, 1984.

²³ Pentru eliberarea patriei. Documente extrase din presa, memorii cu privire la lupta român pentru eliberarea patriei de sub jugul fascist (23 august 1944–25 octombrie 1944). București, 1972; Из хроники исторических дней 1 мая 1944–6 марта 1945 гг. Бухарест, 1974; *Liveanu V.* Rolul P.C.R. în pregătirii insurecției naționale antifasciste armate în lumina izvoarelor publicate în anii 1944–1947. – Studii. Revista de istorie, 1974, № 8; Documente privind istoria militară a poporului român. 23–31 august 1944, v. 1–4. București, 1977–1979; Istoria României între anii 1918–1944. Culegere de documentare. București, 1982; 23 august 1944. Documente, v. 1–4. București, 1984.

²⁴ *Țuțui G., Petric A.* Frontul unic muncitoresc în România. București, 1971; *Constantinescu-Iași P.* Partidul Comunist Român – catalizator și îndrumător al voinței întregului popor în rezistența națională antifascistă. – Anale, 1974, № 4; Румыния в антигитлеровской войне. Бухарест, 1976; Alianța politică ale Partidului Comunist Român. 1944–1947. Cluj-Napoca, 1979; Международный отклик на августовскую революцию 1944 г. и вклад Румынии в антигитлеровскую войну. Бухарест, 1984; Румыния и Великая победа. 23 августа 1944–12 мая 1945 гг. Бухарест, 1985.

²⁵ *Udrea T.* Intelectualitatea română împotriva dictaturii antonisciene și fascismului înaintea actului istoric de la 23 august 1944. – Studii. Revistă de istorie, 1959, № 4; *Moș G., Ștefănescu V.* Din contribuția tineretului din șara noastră în frunte cu uceniști la lupta PCR pentru victoria insurecției armate de la 23 august 1944. – Analele, 1959, № 4; *Munteanu N.* Acțiuni muncitorești desfășurate și a dictaturii militarofasciste (1941–1944). – Analele de istorie, 1963, № 4; *Covaci M.* Acțiuni de sărănimea din România împotriva dictaturii militaro-fasciste (1941–1944). – Analele, 1963, № 4; *Copoiu N.* Atitudinea potrivnică a oamenii de cultură față de expansiunea ideologiei fasciste (1941–1944). – Ibid., № 6; *Covaci V., Dragan F.* Aspecte ale luptei muncitoare din România împotriva militaro-fascist și a criminalului războiului antisovietic. – Analele arhivelor, 1964, № 2; *Tălăngeanu M., Printea I.* Acțiuni ale muncitorilor ceferiști împotriva dictaturii militaro-fascist și a războiului hitlerist (1941–1944). – Analele de istorie, 1964, № 4; *Ionița G., Țuțui G.* Front Plugarilor. București, 1970; *Mocanu V.* Despre factori care a dus la formarea stări de spirit antihitleriste în armata. 1940–1944. – Studii și materiale de muzeografie și istoria militară, 1973, № 6; *Ionița G., Simion A.* Clasa muncitoare, forța socială fundamentală a mișcării antifasciste din România. București, 1978; *Voichița V.* Armata în rezistența antifascistă din România. – Armata și societatea românească. București, 1980.

Огромное количество работ было посвящено руководящей роли коммунистов в движении сопротивления²⁶. Однако тезис о руководящей роли КПП выдвигался априори без анализа ее реального влияния в румынском обществе, без учета действительной расстановки классовых и политических сил в румынском обществе, без изучения эволюции общественных настроений под влиянием изменений на фронтах войны и побед Красной Армии. Чаще всего обращалось внимание на анализ манифестов КПП, ее призывов к борьбе, программ и т.д. Вопрос о численности компартии оставался открытым. Данные такого рода в работах историков, как правило, отсутствовали. Основная причина в том, что в годы войны (вплоть до выхода КПП из подполья после 23 августа 1944 г.) компартия была немногочисленной (по некоторым источникам около 1 тыс. членов)²⁷, не пользовалась сколько-нибудь заметным влиянием в румынском обществе. В действительности, антикоммунизм румынских властей в годы Второй мировой войны, оголтелая антисоветская и антикоммунистическая пропаганда, обвинение членов КПП в антигосударственной измене, преследования и жестокие расправы – все это создавало барьеры для распространения влияния КПП в массах. Тем не менее в работах румынских историков роль КПП мифологизировалась, свержение режима Антонеску представлялось исключительно как результат деятельности КПП по сплочению вокруг нее всех антифашистских, антигитлеровских, патриотических сил, как ее исключительная инициатива. Превозносилось международное значение акта 23 августа. В концентрированном виде отмеченные тенденции проявились в книге И. Чаушеску, Ф. Константину и М. Ионеску “На 200 дней раньше”. В ней доказывается, что Вторая мировая война закончилась на 200 дней раньше благодаря усилиям внутренних сил и участию Румынии в антигитлеровской коалиции на завершающем этапе Второй мировой войны, что, по мнению авторов, спасло сотни тысяч человеческих жизней²⁸.

Идеологи режима Чаушеску провозгласили румынскую компартию выразителем интересов и чаяний румынского народа в его многовековой борьбе за свободу и независимость родины, в ее освобождении от иностранного господства²⁹.

В работах румынских историков обходится молчанием вопрос об оккупационной политике румынских властей и армии на советских территориях, участии румынской администрации совместно с германскими войсками в грабежах и насилиях. За счет этого румынские власти пытались смягчить социально-экономические и политические противоречия внутри страны, что в известной степени им удавалось сделать³⁰.

Такие события Второй мировой войны, как поражение румынской армии совместно с германскими войсками под Сталинградом, в Крыму и на Кавказе, отступление из Транснистрии и Бессарабии, северной Молдавии и вступление Красной Армии на территорию Румынии в работах румынских историков либо совсем не рассматриваются, либо о них упоминается лишь вскользь. Пересматривались оценки русско-румынских и советско-румынских отношений. Таковы были некоторые крайне идеологизированные официальные направления румынской историографии Второй мировой войны.

Однако накопление исторических знаний, выявление новых документов, восстановление научных связей с западными историками обуславливали необходимость новых подходов в изучении национальной истории, создание новой источниковой базы и расширения на ее основе изучаемой проблематики.

²⁶ Mușat M. Activitatea PCR în colaborare cu celelalte forțe patriotice pentru pregătirea revoluției eliberare socială și națională, antifascistă și antiimperialistă. – File din istoria militară a poporului român. Studii, v. 15. București, 1984.

²⁷ Tismăneanu V. Arheologia terorii. București, 1992, p. 226–239; Tănase S. Anatomia mistificării. 1944–1989. București, 1997, p. 157.

²⁸ Ceaușescu I., Constantinescu F., Ionescu M. 200 de zile mai devreme. Rolul României în scutirea celui de al doilea război mondial. București, 1984.

²⁹ Mușat M. Op. cit.

³⁰ Campus E. Op. cit., p. 532–533, 545–457; Constantiniu F. Op. cit., p. 412.

Вместе с тем в условиях усугубления националистических тенденций в политическом руководстве Румынии, разрастания культа личности Чаушеску новые тенденции в историографии развивались крайне противоречиво и неоднозначно, подчиняясь директивным указаниям партийных инстанций. Так же, как и в СССР, в отделах ЦК РКП под руководством чиновников от науки, в те годы Отдел пропаганды ЦК РКП возглавляли достаточно одиозные фигуры историков (по словам Ф. Константиу, карьеристы и посредственности – М. Мушата и И. Арделяну)³¹, создавались закрытые справки и служебные материалы. В связи с этим незначительная “избранная часть” историков получала доступ к “закрытым” архивным материалам.

Во второй половине 1960-х – 1970-х годах в Институте истории партии при ЦК РКП под грифом “Для служебного пользования” была подготовлена семитомная публикация документов по истории международного рабочего движения, в один из томов которой были включены неизвестные ранее документы о переговорах представителей Антонеску с советскими дипломатами в Стокгольме об условиях выхода Румынии из войны, что отрицалось тогда как советским руководством, так и соответственно советскими историками. В разделах, посвященных осуществлению акта 23 августа 1944 г., были помещены документы об участии в свержении Антонеску лидеров НЦП и НЛП, а также короля Михая и его окружения, в частности М. Стырча, И. Бэлэчану, майора А. Думитреску, сержанта Д. Былэ, о которых никогда ранее не упоминалось³². Появляется ряд работ о деятельности так называемых исторических – НЦП и НЛП – партий в годы Второй мировой войны, участии их представителей в переговорном процессе с Великими державами об условиях выхода Румынии из войны³³. Вооруженное восстание стало именоваться антифашистской и антиимпериалистической революцией социального и национального освобождения, что позволяло расширительно трактовать значение этого акта. Революция рассматривается как результат многовекового непрерывного процесса (континуитета) румынского народа. В книге, вышедшей в Бухаресте на русском языке, “Румыния и великая победа. Выдающийся вклад в разгром фашизма. 23 августа 1944–12 мая 1945 гг.” авторы пишут: “Антифашистская и антиимпериалистическая революция социального и национального освобождения 23 августа 1944 г., ознаменовавшая начало новой эры в многотысячелетней истории родины, не была следствием временной конъюнктуры или событием, навязанным румынскому народу внешними факторами. Революция в августе 1944 г. являлась увенчанием длительной борьбы румынского народа за сохранение своего этнического существования, в защиту земли предков, в защиту свободы и независимости, естественного права самостоятельно крепить свою историческую судьбу”³⁴. И совсем не случайно вместо 9 мая появляется дата 12 мая. Совершенно очевидно, что сделано это было с целью принизить значение вклада Советского Союза в разгром фашистской Германии. Как мы уже отмечали, в более ранних работах румынских историков “днем победоносного завершения в Европе Второй мировой войны” считалось 9 мая 1945 г.

С конца 1970-х годов делаются попытки реабилитации Антонеску. Меняется терминология, определяющая характер его режима, что ведет и к изменению его сути (вместо фашистского диктатора он именуется просто диктатором, а “военно-фашистский режим” стал “диктаторским режимом”, иногда эти понятия сосуществуют вместе)³⁵. Если же проследить дальнейшую эволюцию в румынской историографии оценки режима Антонеску и его самого как “кондукэторула” Румынии, то начиная с 1990-х годов режим рассматривается значительной частью историков как авторитарный (ранее как

³¹ *Constantiniu F.* Op. cit., p.378, 405, 411.

³² *Ibid.*, p. 300, 304.

³³ *Buzatu G.* Op. cit., p.229–303.

³⁴ *Чаушеску И., Тукэ Ф., Ионеску М.Е., Дуцу А.* Румыния и Великая победа. Выдающийся вклад в разгром фашизма. 23 августа 1944–12 мая 1945. Бухарест, 1985, с. IX.

³⁵ *Simion A.* Regimul politic din România în perioada sept. 1940 – ian.1941. București, 1976, p.304–305; *Buzatu G.* Op. cit., p. 146–147.

фашистский), а Антонеску характеризуется как человек “твердой руки” и “патриот своей родины”, а не как военный преступник, осужденный в качестве такового на Нюрнбергском процессе³⁶.

В открытой печати 1980-х годов поднимается вопрос о Бессарабии, о праве Румынии на Бессарабию и о неправомерности присоединения ее в 1940 г. к Советскому Союзу. В 1983 г. в Бухаресте была опубликована книга посла США в Румынии Д.Б. Фунденбурка “Политика Великобритании по отношению к Румынии (1938–1940)”, в которой впервые был приведен текст пакта Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г. и секретные приложения к нему³⁷. Напомним, что советское руководство в тот период отрицало наличие подобных договоренностей между Сталиным и Гитлером. На XIV съезде РКП (ноябрь 1989 г.) Н. Чаушеску в завуалированной форме поднял вопрос о Бессарабии, необоснованности требований СССР о ее присоединении к Советскому Союзу (имелся в виду ультиматум советского правительства от 26 июня 1940 г. и последовавшее за этим под нажимом СССР и гитлеровской Германии согласие румынского правительства на передачу Бессарабии Советскому Союзу, территории, входившей в состав России с 1812 г. и оккупированной Румынией в 1918 г.)³⁸.

Особую остроту в середине 1980-х годов приобрел вопрос о Трансильвании. Известный советский историк В.Е. Тарле назвал Трансильванию “яблоком раздора между Венгрией и Румынией на очень опасном Европейском континенте”. Дело в том, что еще в IX в. на территории Трансильвании поселились венгры, со временем Трансильвания вошла в состав Венгерского королевства, хотя в отдельные периоды османского господства в Балканском регионе она сохраняла автономный статус. В конце XVII в. Трансильвания стала частью Австрийской империи, а затем Австро-Венгрии. После ее распада в 1918 г. по Трианонскому мирному договору область отошла к Румынии. Этому событию предшествовало многочисленное собрание трансильванских румын, проживавших на территории Австро-Венгрии. Румыны считали Трансильванию “колыбелью румынского народа”, предки которого поселились на этой территории с древнейших времен.

В августе 1940 г. под диктовку Гитлера и Муссолини северная часть Трансильвании была передана по так называемому Второму венскому арбитражу вновь Венгрии, а ее южная часть осталась в составе Румынии. По решению Парижской мирной конференции и при поддержке Советского Союза вся Трансильвания была возвращена Румынии. В годы Второй мировой войны в Трансильвании до крайности обострились межэтнические и межнациональные противоречия, что дало возможность прямого вмешательства крупных континентальных держав в дела Трансильвании³⁹.

С самого начала существования социалистических государств Советский Союз был заинтересован в сдерживании межнациональных и межгосударственных конфликтов в стане своих союзников. И на какое-то время ему это удавалось. Однако уже после венгерских событий 1956 г. начало нарастать движение в поддержку венгерского населения, проживавшего в Румынии. Все чаще и в венгерских исторических исследованиях начал подниматься вопрос о Трансильвании, в том числе и о несправедливости “раздела страны и народа в Трианоне”⁴⁰.

Открытая полемика между венгерскими и румынскими историками вспыхнула в середине 1980-х годов, когда идеологический контроль со стороны руководящего центра социалистического содружества ослабел настолько, что спорящие стороны смогли позволить себе открыто предаться долго сдерживаемым эмоциям. Поводом послужил

³⁶ Moraru P. Reinstaurare autorităților română în nordul Bucovinei (1941). – România și al doilea război mondial. Focșani, 2000, p. 186–187.

³⁷ Funderburk D.B. Politica Marii Britanii față de România (1938–1940). București, 1983.

³⁸ Constantiniu F. Op. cit., 396.

³⁹ См. подробнее: Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008.

⁴⁰ Там же, с. 14, 226–228.

выход в свет в Венгрии трехтомника “История Трансильвании” с древнейших времен до 1918 г. (румынскому периоду Трансильвании в нем посвящена всего одна глава третьего тома, охватывающая 1918 – 1945 гг.). В издании велась развернутая критика концепции румынской историографии по всем ключевым и спорным вопросам, в частности “дакороманской теории” генезиса румынского народа, концепции “континуитета” и автотонности”⁴¹.

В Румынии книга вызвала шквал негативной критики. В дискуссию вмешалось высшее румынское руководство во главе с Чаушеску. Иначе и быть не могло. Ведь тогдашние руководители партии и государства внедряли в сознание румын идеи территориальной целостности страны, единого национального государства и отрицали национальные права других народов, в частности право национальных меньшинств на национальную автономию. Поэтому жесткой критике подвергался принцип национального самоопределения как ошибочный, навязанный извне – сначала Коминтерном, а затем Кремлем. В книге венгерских историков румынская власть увидела “покушение на территориальную целостность” своей страны. Румынские историки, а также печать и идеологический актив получили инструкцию развернуть кампанию по “разоблачению” труда венгерских коллег. Газеты “Ромыния либерэ”, “Ромыния литерарэ” выступили с резко негативными рецензиями на “Историю Трансильвании”. Вышла даже специальная работа под названием “Опасная игра фальсификаторов истории” – заголовок, заимствованный у печально знаменитого советского издания времен “холодной войны”, посвященного “разоблачению” западной историографии. Коллег из Венгрии румынские историки обвинили в “ностальгии по венгерскому ревизионизму”, в “злостной фальсификации” истории Румынии, “в ностальгии по Австро-Венгерской монархии” и т.д.

Недовольство мадьяр они объясняли тем, что они лишились своего особого положения, которое занимали в годы Второй мировой войны, в период оккупации Северной Трансильвании после Второго венского арбитража (1940–1944 гг.) и в последующие десятилетия, благодаря активному сотрудничеству с кругами, поддерживаемыми Советским Союзом. В 1982 г. в США была опубликована книга румынских историков К. Боди и В. Кынди “Трансильвания в истории румын”, в которой были отражены в наиболее полном виде основные тенденции румынской историографии по этому вопросу⁴².

После падения режима Чаушеску в 1989 г. румынская историография претерпела существенные изменения. Современная румынская историография последних десятилетий представлена рядом монографий и огромным количеством статей. Были опубликованы работы, посвященные анализу развития исторической науки в предшествующий коммунистический период. Прежде всего необходимо отметить исследования таких авторов, как А. Зуб, В. Джоржеску, А. Михалаке, П. Цугуя, Т. Удри, И. Оприша, серию статей Р. Чучану и, наконец, блестящую книгу Ф. Константиу. В ней автор рассматривает основные направления развития историографии эпохи Георгиу-Дежа и Чаушеску, показывает закулисную борьбу внутри партийной элиты и среди историков, описывает личные качества ведущих историков, влияющие порой самым непосредственным образом на развитие исторической науки даже в условиях тоталитарных коммунистических режимов, где, конечно, определяющими все же оставались политические факторы и директивные указания сверху⁴³.

В целом же, несмотря на то, что в посткоммунистический период поменялись точки зрения историков, расширилась источниковая база исследований, было издано значительное количество документальных публикаций, в историческую науку вошло

⁴¹ Там же, с. 19–21.

⁴² Bodea C., Căndea V. *Transylvania in the History of the Romanians*. Boulder, 1982.

⁴³ *Georgescu V. Politica și istorie. Cazul comuniștilor români. 1944–1947*. București, 1991; *Țugui P.* Op. cit.; *Zub A. Orizont închis. Istoriografia română sub dictatură*. Iași, 2000; *Mihalache A. Istorie și practica discursive în România democrat-populară*. București, 2003; *Udrea T.* 23 august 1944; De ce occidentalii au cedat estul Europei sovieticilor și rolul jucat de 23 August 1944 în acest context. București, 2004.

новое поколение историков, сохранился политизированный, конъюнктурный подход в освещении событий Второй мировой войны с националистических позиций, подпитываемый антисоветизмом и русофобией.

После падения режима Чаушеску, когда был открыт доступ к архивным документам, румынские историки активно включились в выявление и издание документов, в том числе и по интересующей нас теме. Прежде всего необходимо отметить публикации документов под редакцией М.Р. Мокану “Румыния – великие жертвы во Второй мировой войне” и И. Скурту “Политическая жизнь в Румынии в 1945 г.” В первой из публикаций помещены документы, посвященные переговорам, которые велись румынскими дипломатами и политическими деятелями с представителями Великих держав об условиях выхода Румынии из войны в столицах нейтральных государств (Швеции, Египта, Швейцарии, Испании, Португалии и т.д.). Кроме того, в публикацию были включены документы, касающиеся соглашения между правительством Румынии, с одной стороны, и правительствами Советского Союза, Соединенного королевства Великобритании и Соединенных Штатов Америки – с другой, о перемирии. Во второй книге опубликованы документы, характеризующие внутривнутриполитическую жизнь Румынии, место и роль политических партий, взаимоотношения между румынским правительством и представителями Союзной контрольной комиссии, а также информация о государственных органах и силовых ведомствах⁴⁴.

Под редакцией Г. Бузату и ряда других историков была опубликована серия документов о деятельности Антонеску в годы Второй мировой войны. Была продолжена публикация документов, относящихся к событиям 23 августа 1944 г.⁴⁵, увидели свет документы, касающиеся деятельности румынских государственных органов⁴⁶, стенограммы заседаний компартии Румынии и общественных организаций⁴⁷, документы, посвященные участию румынской армии в антисоветской войне, ее вкладу в разгром гитлеровской Германии на завершающем этапе Второй мировой войны⁴⁸, а также касающиеся присутствия Советской Армии на территории Румынии⁴⁹ и советско-румынским отношениям⁵⁰. Издавались документы, освещающие национальный вопрос в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы⁵¹. Вся эта большая работа по публикации документов создавала документальную базу для проведения новых исследований. Однако главная проблема заключалась в том, как будут интерпретироваться эти документы в румынской историографии. А преобладать начали националистические тенденции.

⁴⁴ *România-marele sacrificat al celui de al doilea război mondial. Documente*, v. 1. București, 1994; *România. Viața politică în documente. 1945*. București, 1994; *Buzatu G. România sub imperiul Haosului. 1939–1945*. București, 2007.

⁴⁵ *Mareșalul Antonescu în fața istoriei. Documente, studii, relatării și comentări*, v. I–VII. Iași – București – Craiova, 1990–1996; *Arima V. Antonescu – Hitler. Corespondența și întelări neidită (1940–1944)*, v. I–II. București, 1991; *Ardeleanu I. Brătianu, Carol II, Ion Antonescu. Amintiri, documente, corespondență*. București, 1992; *Mareșal Ion Antonescu. Istoria mă vă jucata. Scrieri inedite*. București, 1993; *Chiper I., Constantiniu F., Pop A. Sovietizarea României. Percepții anglo-americane*. București 1993; *Rotaru J., Burcin O., Zodian V. Mareșalul Ion Antonescu. Am făcut războiul sfânt împotriva bolșevismului*. Oradea, 1994; *Giurescu D.C. Din documente guvernării generalului Nicolae Rădescu*. București, 1995; 23 august 1944 în arhivele comunist. București, 2000; *Buzatu G., Beldiman D. 23 august. 1939–1944. România și proba bumerangului*. București, 2003.

⁴⁶ *Stenogramele ședințelor Consiliului de Miniștri Guvernarea Ion Antonescu*, v. I–IX. București, 1997–2006.

⁴⁷ *Tismăneanu V. Fantoma lui Gheorghiu-Dej*, Mircu M. Dosar Ana Paucher. București, 1995.

⁴⁸ *Cornel I. și alt. Armata română în al doilea război mondial*. Oradea, 1994; *Armata română în al doilea război mondial*. București, 2005.

⁴⁹ *Ocupația sovietică în România. Documente. 1944–1946*. Coordinator F. Stănescu, D. Zamfirescu. București, 1998.

⁵⁰ *Relații româno-sovietice. Documente. V. 2. 1935–1941*. București, 2003.

⁵¹ *Al doilea Război Mondial. Transilvania și angajamentele europene. (1940–1944)*. Documente. Cuj-Napoca, 1995.

Отдельно надо сказать о мемуарной литературе. Наряду с воспоминаниями политических деятелей⁵², дипломатов⁵³, стали выходить воспоминания военных и ветеранов – участников антисоветской войны, в которых оправдывается участие Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии⁵⁴. Определенный интерес представляют интервью бывшего короля Михая, записанные историком М. Чобану⁵⁵.

За последнее десятилетие румынская историография пополнилась огромным количеством работ, посвященных исследованию как общих, так и конкретных вопросов Второй мировой войны. Среди обобщающих работ следует отметить прежде всего труды Ф. Константиу, Д.К. Джуреску, И. Скурту, Г. Бузату и др.⁵⁶ В 2005 г. в Москве была издана в переводе на русский язык “История Румынии”, подготовленная коллективом клужских историков под руководством И.А. Попа и И. Болована⁵⁷.

Остановимся лишь на некоторых новых тенденциях румынской историографии посткоммунистического периода.

Румынские историки в большинстве своем считают обоснованными причины вступления Румынии в антисоветскую войну, тем самым подчеркивают легитимность участия Румынии в войне против СССР на стороне гитлеровской Германии. Главными они считают: изоляцию Румынии на международной арене вследствие отказа западных держав гарантировать Румынии ее территориальную целостность, враждебность ее соседей (Венгрии, Болгарии, СССР) и территориальные претензии с их стороны, последствия пакта Молотова – Риббентропа и, наконец, “аннексию” или “ампутацию”, по румынской терминологии, Бессарабии, Северной Буковины и района румынского города Герца Советским Союзом⁵⁸. А румынская исследовательница В. Мойсук, страдающая хронической русофобией, пишет о том, что “советская оккупация была ничем не лучше нацистской”⁵⁹. При этом румынские историки забывают об оккупации Румынией в 1918 г. Бессарабии, входившей в состав Российской империи более 100 лет, с 1812 г. (известно, что советское правительство никогда не признавало законность присоединения Бессарабии к Румынии⁶⁰). Стоило бы также напомнить о грабежах, убийствах и насилии, творимых румынами совместно с гитлеровцами на советских территориях⁶¹.

Румынские историки говорят о “вынужденной уступке” Советскому Союзу в 1940 г. территорий, вошедших в состав Румынии в 1918 г. с тем, чтобы “избежать войны” и “сохранить румынскую государственность”⁶². Поэтому все чаще участие в войне против СССР на стороне гитлеровской Германии румынские историки объясняют “стремлением к возвращению румынских территорий Бессарабии и Северной Буковины”. А в последнее время на волне антисоветизма и антикоммунизма к этим причинам добавилась еще и “священная война против большевизма” в духе военной пропаганды в годы антисоветской войны⁶³. Выдвигаются версия о подготовке советским правитель-

⁵² Constantin Săvulescu. Jurnal. București, 1993.

⁵³ Czetianu A. The lost Opportunity. London, 1957; Gafencu G. Insemnări politice. București, 1991; Bossy R. Amintiri din viața diplomatică, v. I-II. București, 1993.

⁵⁴ Veteranii pe drumul onoarei și jeftei. București, 1998.

⁵⁵ Ciobanu M. Convorbiri cu Mihai I al României. București, 1991.

⁵⁶ Șuța I. România în câmpina istoriei și august 1944. București, 1991; Constantiniu F. O istorie sinceră a poporului Român. București, 1997; Giurescu D.C. România în al doilea răzoi mondial. 1939–1945. București, 1998; Scurtu I., Buzatu G. Istoria românilor în secolul XX. 1918–1948. București, 1999. .

⁵⁷ История Румынии. Национальная история. М., 2005.

⁵⁸ Buzatu G. Amputația României sub imperiul Haosului. 1939–1945. București, 2007, p. 81, 243–244.

⁵⁹ Moisuc V. Istoria relații internaționale. Până la mijlocul secolului al XX-lea. București, 2003, p. 280, 281–282.

⁶⁰ Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996., с. 168–368.

⁶¹ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинёв, 1981.

⁶² Moisuc V. Op. cit., p. 282.

⁶³ История Румынии. Национальная история, с. 584.

ством “превентивной войны против Румынии” и обвинения как Германии, так и СССР в развязывании Второй мировой войны. В подтверждение данного тезиса румынские авторы ссылаются не только на книгу Суворова (Резуна), но и на работу российской исследовательницы, сотрудницы Института российской истории РАН Е. Бушуевой⁶⁴, не указывая при этом страницы, на которые делается ссылка.

В то же время некоторые румынские историки подчеркивают, что в своем отношении к вступлению в антисоветскую войну румынское общество не было единым. Так же, как существовали различные слои и группы населения, общественные и политические силы и представляющие их партии, так и не могло быть единодушия в оценках происходящих судьбоносных событий в стране. Такой точки зрения придерживаются, например, Ф. Константиу, А. Дуцу, М. Ретеган, опубликовавшие коллективную работу “Румыния в войне. 1941–1945 гг. Исторический рок”⁶⁵.

Активно пересматривается в румынской историографии характер существовавших в Румынии в 1940-е годы политических режимов, и прежде всего режима Антонеску. Меняется отношение ряда историков к личности Антонеску и к его деятельности в качестве руководителя румынского государства.

Как видно разброс мнений и оценок среди румынских историков достаточно широк. И все же основной тенденцией является отказ от прежней характеристики режима как военно-фашистского. Говорится о “режиме диктатуры Антонеску” или “тоталитарном” и даже “авторитарном” режиме. Единственным представителем фашизма в Румынии объявляется “Железная гвардия”, несмотря на то, что в сентябре 1940 г. Антонеску провозгласил Румынию национал-легионерским государством и пригласил легионеров в свое правительство. Некоторые историки считают, что сотрудничество Антонеску с открытыми фашистами было вынужденной мерой, так как лидеры НЛП и НЦП отказались от вхождения в его правительство⁶⁶. Ликвидация мятежа железногвардейцев в январе 1941 г. также ставится в заслугу Антонеску, хотя это была открытая борьба за единоличную власть с политическими противниками.

Таким образом, наличие стремление части румынских историков оправдать действия фашистского диктатора. Более того, в 1997 г. была предпринята попытка реабилитации Антонеску апелляционным судом Бухареста, а в 2001 г. ему был открыт памятник. В ряде городов его именем были названы улицы. И только в связи с протестами западных держав, которые угрожали Румынии лишить ее поддержки при вступлении в НАТО, эти решения были отменены. Тем не менее подобные попытки предпринимались и в дальнейшем. Националистические тенденции подогреваются также и политическими деятелями Румынии. Так, в скорбные для российского народа дни, связанные с 70-летием нападения фашистской Германии на Советский Союз, президент Румынии Т. Бэсеску в интервью одному из румынских телеканалов на вопрос журналиста, отдал бы он приказ подобно Антонеску румынским солдатам перейти Прут, т.е. границу между Румынией и СССР, заявил: “Да, поскольку у нас был союзник (фашистская Германия. – Т.П.) и нам следовало вернуть территорию. В тех условиях я бы, вероятно, так и сделал”⁶⁷. Заявление президента было растиражировано румынскими СМИ. После этого значительная часть историков стала подчеркивать патриотизм румынского диктатора, а некоторые стали называть его даже “патриотом” Румынии. МИД России вынужден был выступить с официальным протестом против подобного заявления румынского президента, оправдывающего фашистскую агрессию и оскверняющего память миллионов жертв нацизма.

После падения коммунистического режима в Румынии подверглись пересмотру также и события 23 августа 1944 г. День 23 августа перестал быть национальным празд-

⁶⁴ România și al doilea război mondial. Focșani, 2000, p.186. См: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992, с. 7, 299–300.

⁶⁵ Constantiniu F., Dușu A., Retegan M. România în război. Un destin în istorie. București, 1995, p. 48–62.19.

⁶⁶ История Румынии. Национальная история, с. 584.

⁶⁷ România liberă, 5.VII.2011.

ником в Румынии. Эволюция самих понятийных терминов при характеристике событий 23 августа показывает, насколько конъюнктурно менялся в румынской историографии смысл и содержание исторических событий. Румынские историки вернулись к определению событий 23 августа как государственного переворота, главную роль в котором сыграл румынский король Михай и его окружение, поддержанного разнородными политическими силами. Для короля это была вынужденная мера, так как в результате окружения и разгрома немецко-румынских сил в ходе Яско-Кишиневской операции Красная Армия начала стремительно продвигаться в глубь Румынии и падение Бухареста было делом нескольких дней. Нельзя не согласиться с румынской исследовательницей Е. Рэдой, которая в книге “Жизнь короля Михая I” пишет: “Утром 20 августа случилось то, что должно было случиться. Началось завоевание Румынии в результате мощного наступления на юге в направлении Ясс при поддержке танковых соединений. Таким образом появился благоприятный шанс для последней попытки выйти из войны. Известно, что румынские войска были включены в состав немецких армий, чтобы избежать непредвиденных (самостоятельных. – Т.П.) передвижений на фронте. Тем временем немецкое командование отдало приказ перебросить воинские резервы из Молдовы на запад. Накануне советского наступления можно было еще попытаться достичь выхода из войны, так как давление немцев было ослаблено. Однако можно было упустить шанс, и никто не знал, когда он мог еще представиться”⁶⁸. Некоторые румынские историки, в основном апологеты Антонеску, считают акт 23 августа 1944 г. государственным заговором, а его участников – заговорщиками. Весьма неожиданным для граждан Румынии, которые весьма положительно относятся к королю Михая прозвучали слова президента Т. Бэсеску, сказанные им в том же интервью румынскому тележурналисту: “Мы забываем, что у Румынии тогда был глава государства (король Михай). Одним мы воздаем почести и возвращаем имущество, других делаем военными преступниками”, имея в виду Антонеску⁶⁹.

В целом же в работах румынских историков изменилась не только тональность, но и оценки последовавшего за событиями 23 августа политического развития Румынии. Румынские историки считают, что началось “не освобождение, а оккупация Румынии, на территории которой был установлен советский оккупационный режим”. По их утверждению, это явилось следствием того, что в политике Великих держав и разделе сфер влияния “Румыния оказалась в зоне советского господства”. “Был не учтен вклад Румынии в разгром гитлеровской Германии и ее участие в боях за освобождение Венгрии и Чехословакии”. Территорию же своей страны, кроме Трансильвании, Румыния освободила собственными силами⁷⁰. В 1998 г. Ф. Стынеску и Д. Замфиреску опубликовали сборник документов “Советская оккупация Румынии. 1944–1946 гг.”, в котором отдельные факты злоупотреблений преподносились как целенаправленная оккупационная политика советской армии и советского государства. Любопытно, что авторы недостатки своей публикации объясняют тем, что якобы после войны из Румынии в Москву было вывезено НКВД более 2 тыс. архивных дел, что не позволяет воссоздать полную картину происходящего. В предисловии к публикации авторы подвергают критике деятельность Союзной контрольной комиссии. Ей приписываются различного рода злоупотребления как в политической, так и в экономической сферах. Оспариваются размеры репараций⁷¹. Как будто бы не было трехлетнего участия Румынии в антисоветской войне, сопровождающегося разрушениями советских городов, грабежами и насилием над мирным советским населением⁷².

⁶⁸ Buzatu G., Măță C. *Complotiști de la 23 August 1944. Câteva biografii paralele*. – România și al doilea război mondial, p. 297–337.

⁶⁹ România liberă, 5.VII.2011.

⁷⁰ Stănescu F., Zamfirescu D. *Op. cit.*, p. 5–12.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Anton M., Chiper I. *Instaurarea regimului Ceaușescu. Continuitate și ruptură în relațiile româno-sovietice*. București, 2003, p. 173–174.

Особое внимание в румынской историографии уделяется роли внешнего фактора в политическом развитии Румынии: политике Великих держав, деятельности Союзной контрольной комиссии, вмешательству командования Красной Армии и в целом советского руководства во внутренние дела Румынии, в частности установление в стране 6 марта 1945 г. подконтрольного румынским коммунистам и Москве правительства П. Грозы. Это событие румынские историки рассматривают как начало “советизации Румынии”⁷³.

Наиболее болезненным в современной румынской историографии, а также для общественного самосознания населения Румынии остается национальный вопрос, особенно в периоды обострения национально-территориальных конфликтов. Анализируя огромный пласт румынской исторической литературы, посвященной исследованию проблем территориальных переделов в годы Второй мировой войны, можно выделить несколько основных направлений: бессарабский вопрос⁷⁴ и тесно связанный с ним вопрос о Северной Буковине⁷⁵; трансильванский вопрос⁷⁶; вопрос о судьбе румынских евреев в годы Второй мировой войны. Последняя проблема, в течение длительного времени почти полностью замалчивалась в Румынии не только в коммунистическую эпоху, но и долгое время после нее, несмотря на то, что в Румынии до войны была весьма численность еврейского населения. До недавнего времени “румынский холокост” в годы Второй мировой войны полностью отрицался или же признавались лишь отдельные факты насилия над еврейским населением со стороны legionеров⁷⁷. Потрясающие документы о соучастии румынского государства были опубликованы еще в 1950-х годах известным германским историком А. Хильгрубером. В настоящее время румынская историография, хотя и с некоторыми оговорками, начинает менять свою позицию⁷⁸. Считаю уместным сослаться на некоторые факты из обнародованных немецким ученым документов. Сразу же после вторжения румынской армии на территорию СССР, 5 июля 1941 г., И. Антонеску делает программное заявление по еврейскому вопросу: “Я прошу вас быть беспощадными, здесь не место слащавой гуманности. Я за принудительное выселение всего еврейского населения из Бессарабии и Буковины. Евреи должны быть выброшены через границу... И после того, как с помощью германской армии вернул Бессарабию и Буковину, сказать, я получил свою долю и я прекращаю? Это было бы нечестно с нашей стороны продвинуться только до Днестра и сказать немцам до свидания. Евреи должны быть выдворены. Я также за принудительное выселение украинского элемента, которому нет здесь места. Вы должны быть безжалостны. Я не знаю, сколько столетий пройдет, когда мы снова получим свободу рук для этнической чистки и национальной ревизии”. В Румынии этот документ был опубликован только в 2000 г.⁷⁹

Напомним также о еврейском погроме в румынском городе Яссы, учиненном немецкими и румынскими войсками 29–30 июня 1941 г. и повлекшем многочисленные жертвы среди мирного еврейского населения. В новейших румынских публикациях, за исключением работ апологетов Антонеску, отрицающих или оправдывающих военные

⁷³ Chipser I., Constantiniu F., Pop A. *Sovietizarea României...*, p. 18.

⁷⁴ Dobrinescu V.F. *Bătălia diplomatică pentru Basarabia (1918–1940)*. Iași, 1991; Бессарабский вопрос на перекрестке Европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996, с. 168–378.

⁷⁵ Vârâtic V. *Şase zile din istoria Bucovinei (18 iunie – 3 iulie 1940)*. Rădăuți, 2001.

⁷⁶ История Румынии. Национальная история, с. 573–575; Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Указ. соч.; Transilvania și aranjamentele europene (1940–1944). *Idiția, studii, introductiv, note* – V. Pușcaș. Cluj-Napoca, 1995; Constantiniu F. P.C.R., Pătrășcanu și Transilvania (1945–1946). București, 2001; Documente Franceze despre Transilvania. 1944–1947. *Selecția documentelor și introductive de V.F. Dobrinescu și I. Petroiu*. București, 2001; *Sălăgean M. Administrația sovietică în nordul Transilvaniei (noiembrie 1944 – martie 1945)*. Cluj-Napoca, 2002.

⁷⁷ История Румынии. Национальная история, с. 584–585.

⁷⁸ Hilgruber A. *Hitler, Koning Carol und Marschall Antonescu. 1938–1944*. Weisbaden, 1954, S. 134.

⁷⁹ *Stenogramele Ședinței...*, p. 509.

преступления, факты геноцида теперь уже признаются, но наблюдается тенденция скорректировать число жертв среди еврейского населения в сторону снижения их числа⁸⁰.

В последние годы появился ряд работ, посвященных румынской пропаганде в годы Второй мировой войны, в том числе и на Восточном фронте, а так же анализу планов, разрабатываемых в окружении Антонеску, касающихся колонизации присоединенных к Румынии территорий Бессарабии и Северной Буковины, их гомогенизации путем обмена населения, проживавшего по обе стороны Днестра. Все чаще проблемы, связанные с участием Румынии во Второй мировой войне стали рассматриваться в работах, посвященных международным проблемам Второй мировой войны в целом. Публикуются переведенные на румынский язык работы западных авторов⁸¹.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на обширный список работ румынских историков, посвященных как общим, так и конкретным и отдельным проблемам Второй мировой войны, мы не можем считать, что к настоящему времени этот вопрос в румынской историографии получил достаточно полное, комплексное и объективное освещение. Очевидно проявление преувеличения национального фактора в освещении событий. Особенно это касается начального периода антисоветской войны и оправдания вступления Румынии в войну на стороне гитлеровской Германии. Вместе с тем, как подчеркивают авторы “Истории Румынии”, “в румынской историографии появилась тенденция, отвергающая преувеличения и мифы и стремящаяся к исторической верификации образов, созданных без опоры на достоверные материалы”⁸². Однако вплоть до настоящего времени подобная тенденция не получила своего развития, а в освещении целого ряда событий Второй мировой войны стереотипы, дополненные современным румынским национализмом, являются господствующими.

⁸⁰ *Stan F.* Portul Constanța – poartă deschisă evreilor spre Țara Promisă. Studii privind problema evreiască în România. 1938–1944. Constanța, 2007, p. 37.

⁸¹ *Anton M.* Propaganda și război. Campania din Est. București. 2007; *edem.* Dincolo din Dnistru. Politică etnică și reconstrucție identitară. – Lucrările celei de-a XV-a sesiuni a Comisiei bilaterale a istoricilor din România și Rusia. Cluj-Napoca, 2011; *Ciorba V.* Din istoria secolului XX. Constanța, 2011; *Dușu A.* Războiul de 2194 de zile. București, 2011; *Gruchmann L.* Al doilea război mondial. București, 2011.

⁸² История Румынии. Национальная история, с. 86.